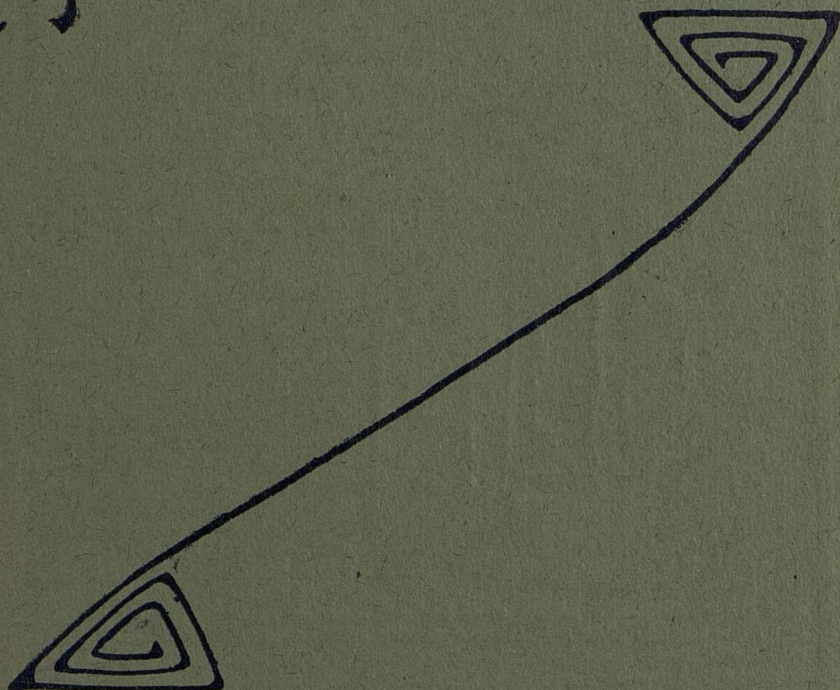




ДѢТСКІЙ МІРЪ



№ 23.

15 Декабря
1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ“



не есть подражаніе общеизвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляетъ собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москов. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

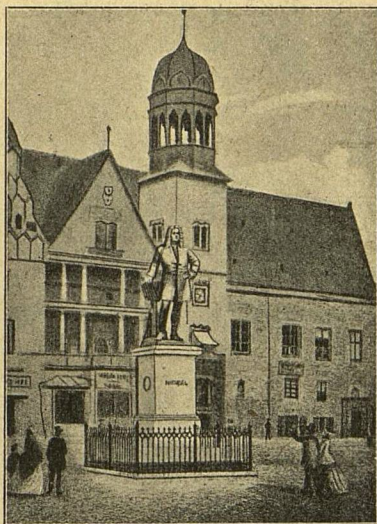
„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежуточныхъ кормленій, отправления кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ игривъ и быстро прибываетъ въ вѣсъ.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброкачественное и отъ здоровой коровы.“ Столь-же благоприятные отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобинымъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вязлинскимъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработанъ этотъ препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ заведующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ химіи К. Пале. Описаніе это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ



Памятникъ І. Гайднѣ.

№ 23.

15 Декабря
1907 г.

Осенью въ усадьбѣ.

На дворѣ октябрь ненастный:
Листъ въ саду слетѣлъ,
И гуляетъ вѣтеръ властный,
Пѣсню грустную запѣлъ.

То хохочетъ и рѣзвится,
То заплачетъ, то поетъ,
То завоюетъ, обозлится
И по стѣнамъ злобно бьетъ.

То, наскучивши игрою,
Поутихнетъ, замолчитъ,
То, взметнувшись порою,
Заунывно загудитъ.

Къ дну оврага онъ забьется—
Бочажокъ рябитъ;
И молчитъ, не колыхнется,
Тихо лѣсъ стоитъ.

Вечеръ на землю спустился,
Замерла она;
Сумракъ медленно сгустился,
И взошла луна.

Быстро тѣни побѣжали
По сырой землѣ,
И тоскливо задрожали
Въ сумрачномъ прудѣ.

Серебрится крыша дома,
Какъ прозрачный ледъ,
И на льдистомъ блескѣ фона
Дубъ узоръ кладетъ.

Тихо въ воздухѣ холодномъ,

Дремлетъ—спитъ земля,
И въ спокойствіи суровомъ
Воздухъ и поля.

Но раздались гдѣ то звуки—
То природы стонъ,
То осенней ночи муки,
Бредъ и тяжкій сонъ...

Всполошились здѣсь вороны,
Тамъ—залаялъ песь...
Чу!.. опять раздались стоны.
То?.. то стонетъ лѣсъ.

Онъ почуялъ день невзгоды,
Облетѣлъ онъ весь,
И капризомъ непогоды
Листъ снесенъ, куда—ни вѣсть.

Ихъ навѣялъ вѣтеръ въ кучи,
Завалилъ лозу;
И попутныя всѣ тучи
Льютъ на нихъ слезу.

И задумчиво деревья
Въ темный прудъ глядятъ,
Камыши же всѣ въ волненіи:
Что то шепчатъ, говорятъ.

Лишь деревья понагнутся,
Головой кивнуть,—
Камыши же всполохнутся
И волной пойдутъ:

Зашуршатъ въ мольбѣ напрасной
И... пошады ждутъ—
Горекъ жребій ихъ несчастный:
Все ихъ вѣтры гнутъ...

Взвились листья въ пляскѣ страстной
И... упали вдругъ:

Улеглись толпой согласной
Въ дружный, тѣсный кругъ;

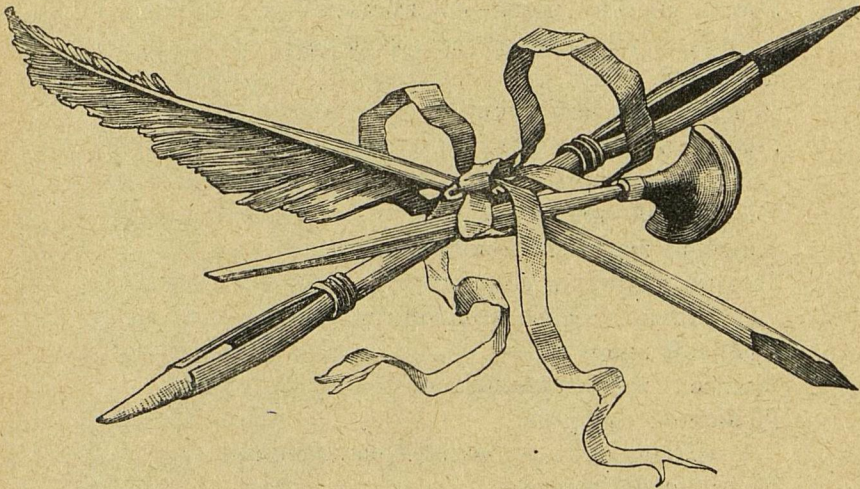
Точно въ страхъ задрожали,
Прилегли къ землѣ,
И тревожно задремали

Въ неспокойномъ снѣ...

Стихло все въ природѣ снова:
Льетъ свой свѣтъ луна,
И съ небеснаго покрова
Тихо зрить она.

Тихо въ воздухѣ холодномъ,
Тихо спитъ земля,
И въ спокойствіи суровомъ
Спитъ природа вся.

Н. Тюринъ.



Какъ разселились люди по землѣ.

Исторіей называется наука о людяхъ, о жизни людей, всего человѣчества. Только изъ исторіи мы можемъ знать гдѣ, когда, какъ и какіе народы жили.

Исторіи не могло-бы быть или она была-бы очень неполной и непонятной, если-бы ей не помогали другія науки. Главнѣйшія изъ этихъ наукъ вотъ какія: археологія, исторія культуры, антропологія, сравнительное языкознаніе (филологія) и многія другія. Археологи (археологія значитъ наука о древнемъ), ученые, которые занимаются этой наукой, разыскиваютъ предметы, зданія, принадлежавшіе людямъ, жившимъ задолго до насъ. Иногда археологи откапываютъ изъ-подъ земли цѣлые города. По положенію предметовъ, той глубинѣ, на которой ихъ нашли подъ землей, и другимъ признакамъ опредѣляютъ въ какое время жилъ народъ и насколько онъ былъ развитъ или культуренъ. Исторія культуры опредѣляетъ какъ развивались народы, то-есть какъ они окружали свою жизнь удобствами, приспособленіями, изобрѣтеніями. Антропологія (наука о человѣкѣ) занимается изученіемъ строенія человѣка, то-есть его скелета, черепа.

Въ землѣ, вмѣстѣ съ утварью (вазы, горшки для варки пищи и многое другое), оружіемъ иногда попадаются скелеты людей; по этимъ скелетамъ антропологи опредѣляютъ къ какой расѣ принадлежало племя жившее въ этомъ мѣстѣ.

Филологія занимается опредѣленіемъ по языку племени говорящаго на немъ. На стѣнахъ зданій, вазахъ, оружіи, которые откапываютъ изъ земли археологи, часто бываютъ надписи. Эти надписи разбираютъ филологи. Филологія привела къ очень важнымъ открытіямъ. Напримѣръ, филологи узнали, что корни словъ древняго санскритскаго языка есть и въ словахъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Европу. Изъ этого ученые заключили, что европейцы родственны индусамъ и принадлежатъ къ одной большой семьѣ народовъ. А на санскритскомъ языкѣ говорили въ незапамятныя времена въ Индіи и теперь на этомъ языкѣ сохранились священныя книги.

До сихъ поръ ученые не могутъ навѣрно опредѣлить, какъ разселились на землѣ люди. Одни говорятъ, что родиной всѣхъ людей была Месопотамія, гдѣ теперь протекаютъ рѣки Тигръ и Евфратъ и это отчасти подтверждаютъ легенды многихъ народовъ (легендами

называются сказанія, преданія, которыя передавались изъ устъ въ уста отъ однихъ людей къ другимъ, когда они еще не умѣли писать), другіе утверждаютъ, что люди появились во многихъ частяхъ земного шара.

Надо сказать, что раньше, въ незапамятныя времена, за много, много тысячъ лѣтъ назадъ материки (т.-е. земля) и моря были распредѣлены на земномъ шарѣ не такъ, какъ это мы теперь видимъ на географическихъ картахъ. Ученые говорятъ, что давно-давно, въ сѣдой древности, Америка и Австралія соединялись со старымъ свѣтомъ (Азіей, Африкой и Европой), но эти мѣста соединенія въ послѣдствіи опустились въ море и материки отдѣлились.

Вотъ по этимъ-то перешейкамъ (то-есть по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ соединялись материки) люди и расселились по всей землѣ.

Люди одного семейства отличаются отъ людей другихъ какъ наружностью, такъ и характеромъ. Вотъ эти семейства расселились, отъ нихъ пошли потомки, которые отличались отъ потомковъ другихъ семей. Благодаря климату мѣстностей, гдѣ они поселились, то-есть въ одномъ мѣстѣ жарко и сухо, въ другомъ -- жарко и сыро или же холодно и сыро и такъ далѣе, люди все больше и больше становились непохожими другъ на друга. Такимъ образомъ произошли племена и расы.

На землѣ три главныхъ расы: бѣлая, желтая и черная. Онѣ дѣлятся, по болѣе мелкимъ отличіямъ, на племена.

Бѣлую расу, отличающуюся болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и правильнымъ строеніемъ черепа и лица, составляютъ аріицы: европейцы, индусы и семиты: евреи, арабы.

Желтая раса имѣетъ желтый цвѣтъ кожи, скуластое лицо и раскосые глаза. Она населяетъ почти всю Азію. Къ желтой расѣ принадлежатъ и американскіе дикари.

Къ черной расѣ, съ чернымъ цвѣтомъ кожи, приплюснутымъ черепомъ и выдвинутой впередъ нижней челюстью, принадлежатъ негры, населяющіе Африку, и австралійскіе дикари.

Исторія главнымъ образомъ занимается изученіемъ бѣлой и желтой расъ, которыя достигли наибольшей культуры.

Люди расселялись по землѣ много разъ. Сперва расселились первобытные люди, а потомъ уже цѣлыя племена. Когда племена заняли материки, и Америка и Австралія отдѣлились отъ Старога Свѣта, эти племена стали передвигаться по занятымъ ими материкамъ.

Какъ это происходило въ древности намъ неизвѣстно, но на памяти людей есть два переселенія. Это Великое Переселеніе Народовъ, когда арійскія племена шли изъ Азіи въ Европу. Изъ этихъ племенъ составилось теперешнее населеніе Европы. Великое Переселеніе Народовъ продолжалось больше тысячи лѣтъ и окончилось только около тысячи лѣтъ назадъ. Другое переселеніе намъ извѣстное—это переселеніе монгольскихъ и туранскихъ племенъ. Монголы и Туранцы принадлежатъ къ желтой расѣ. Они двинулись изъ глубины Азіи къ Западу и заняли отчасти восточную Европу.

Первобытные люди сильно отличались отъ теперешнихъ людей. Они были дики, свирѣпы и привычками болѣе походили на звѣрей, съ которыми имъ приходилось постоянно вести борьбу. Они жили въ пещерахъ, охотились на звѣрей, одѣвались въ ихъ шкуры. Оружіемъ у нихъ были дубины и камни, огня они не умѣли добывать и поэтому питались сырымъ мясомъ. Этихъ людей называютъ троглодитами.

Теперь я расскажу, какъ расселялась бѣлая и желтая расы. Главнымъ образомъ я буду говорить о семитахъ, арійцахъ, монголахъ и туранцахъ.

Къ семитическому племени принадлежатъ древніе египтяне, ассирово-вавилоняне и живущіе еще и теперь евреи и арабы. Къ арійскому племени принадлежатъ европейцы, индусы и нѣкоторые мелкіе народы въ Азіи и на Кавказѣ. Монголы и туранцы принадлежатъ къ желтой расѣ и, за исключеніемъ Индостана, населяютъ почти всю Азію.

Къ этому времени, о которомъ я буду говорить, люди уже не были первобытными. Они уже давно знали огонь, умѣли строить шалаши и палатки, они приручили животныхъ и у нихъ были стада. Въ это время люди раздѣлялись не только на племена, но уже были расы.

Переселенія происходили оттого, что въ тѣ времена люди не жили на одномъ мѣстѣ, осѣдло, а кочевали. Питались они тѣмъ, что добывали на охотѣ и что давали имъ стада: молоко, сыръ, мясо. Тѣ народы, которые живутъ хлѣбопашествомъ и воздѣлываніемъ земли, могутъ и даже должны жить на одномъ мѣстѣ. Имъ переходить съ одного мѣста на другое неудобно, такъ какъ на новомъ мѣстѣ надо снова разрыхлять землю, что очень трудно. Совсѣмъ другое дѣло для кочевниковъ: имъ нужно много мѣста для охоты и для стадъ. Гдѣ часто охотятся, оттуда звѣри или уходятъ, или ихъ истребляютъ, или они становятся очень пугливыми. Тогда у людей было очень простое

оружіе: стрѣлы, копья, пращи, а для охоты они иногда употребляли силки и ямы. Имъ было гораздо труднѣе убить или поймать звѣря, чѣмъ теперь. Наконецъ, если стада съѣдали въ какомъ-нибудь мѣстѣ всю траву, то нужно было уходить, чтобы искать новыя пастбища.

Людемъ становилось тѣсно на одномъ мѣстѣ и они уходили на новыя мѣста.

Сперва люди жили одинокими семьями, позднѣе эти семьи соединялись въ роды. Напримѣръ: у кого-нибудь было нѣсколько сыновей и у этихъ сыновей, когда они становились взрослыми, были свои семьи—вотъ эти-то семьи подчинялись своему отцу и дѣдушкѣ, который одновременно былъ ихъ старшиной, начальникомъ рода. Всѣ семьи, происходившія отъ этихъ людей, присоединялись съ этому роду. У дѣдушки этого рода были братья, у нихъ тоже были свои дѣти и родъ. Послѣ смерти старѣйшины, его замѣнялъ другой старѣйшій въ родѣ. Эти родственные роды соединялись и составляли племена.

Позднѣе нѣкоторые племена осѣдали, то-есть переставали кочевать и останавливались на какомъ-нибудь мѣстѣ. Обыкновенно племена осѣдали вдоль теченія рѣкъ.

Осѣвъ, люди постепенно принимались за обработку земли. Придумывали для этого инструменты. Кочуя, одѣвались въ шкуры, когда же останавливались и начинали обрабатывать землю, шкуры имъ стала замѣнять одежда изъ тканей, для приготовленія которой имъ нужны были тоже инструменты. Благодаря этому люди стали больше думать, ихъ умъ сталъ развиваться. Въ то время какъ кочевникъ всю жизнь проводилъ на охотѣ и думалъ только о ней и ни о чемъ другомъ не заботился, люди осѣдлые старались устроить свою жизнь удобнѣе. Начали появляться ремесла, люди стали изобрѣтать. У нихъ стало развиваться то, что называется *культурой*. Занимаясь обработкой земли и ремеслами и мало владѣя оружіемъ, такъ какъ охотой и войной они занимались иногда и только въ случаѣ крайней необходимости, они сдѣлались менѣе воинственными.

Отдѣльные роды и племена, осѣвъ, устраивали маленькія укрѣпленія изъ земли и бревенъ для защиты отъ нападенія другихъ племенъ. Вокругъ этихъ укрѣпленій селились, чтобы, въ случаѣ нападенія, скрыться за ихъ стѣнами. Такимъ образомъ возникли селенія и города.

Нѣсколько осѣвшихъ другъ подлѣ друга племенъ соединялись для защиты отъ нашествія кочевниковъ и другихъ племенъ. Сперва

племена соединялись въ союзъ и управлялись своими отдѣльными старѣйшинами или вождями, потомъ одинъ, сильнѣйшій изъ нихъ, покорялъ другихъ вождей и дѣлался царемъ или начальникомъ нѣсколькихъ племенъ. Такимъ образомъ появились народы. Иногда такой царь не довольствовался властью надъ своимъ народомъ и покорялъ сосѣдніе племена и народы, присоединяя къ своимъ владѣніямъ ихъ земли. Отъ такихъ присоединеній образовались большія государства.

Сначала старѣйшины были только старшими среди своего племени и должны были совѣщаться съ другими изъ своего же племени, но когда они стали воевать и присоединять земли, они уже не хотѣли совѣщаться и сдѣлались самодержавными властителями. Такихъ властителей уже не выбирали, какъ раньше это было, а власть ихъ становилась наслѣдственной, то есть переходила отъ отца къ сыну.

Такимъ осѣвшимъ народамъ приходилось не только завоевывать, но и обороняться. Время отъ времени надвигались все новыя и новыя орды кочевниковъ, которыя были очень воинственны. Если такимъ кочевникамъ попадались кочевники, то они или побѣждали ихъ и гнали передъ собой дальше, или же, сами побѣжденные, должны были останавливаться или спасаться бѣгствомъ. Если попадались имъ народы культурные, они тоже вступали съ ними въ войну и вторгались въ ихъ предѣлы, все разрушая на своемъ пути. Иногда они останавливались на развалинахъ такого государства, обращая жителей въ рабство. Если же получали отпоръ, то возвращались назадъ или же обходили ту страну, гдѣ ихъ отразили.

Исторія можетъ навѣрно говорить только о томъ, что она навѣрно знаетъ. А знать навѣрно можно только то, что записано. Первые письменные знаки появились у людей только около пяти съ лишнимъ тысячъ лѣтъ назадъ. Вотъ съ этого то времени я и буду рассказывать поподробнѣе.

За пять, шесть тысячъ лѣтъ до нашего времени въ Азіи и Африкѣ уже образовалось нѣсколько культурныхъ народовъ. Это были египтяне, которые жили по теченію рѣки Нила и ассири-вавилоняне на рѣкахъ Тигрѣ и Евфратѣ. Оба народа были семитскаго племени. Китайцы образовали особую культуру. Они принадлежатъ къ монгольскому племени желтой расы. Китай, какъ извѣстно, существуетъ до сихъ поръ и китайцы являются самымъ древнимъ культурнымъ народомъ, существующимъ уже болѣе шести тысячъ лѣтъ.

Индусы жили на Индостанѣ, у нихъ тоже была своя культура. Они существуютъ и сейчасъ.

Эти народы уже давно обрабатывали землю, знали ремесла, а потомъ изобрѣли письмо. Позднѣ этихъ народовъ появились евреи и финикіяне (тоже семиты). Финикіяне жили на восточномъ берегу Средиземнаго моря и занимались мореходствомъ и торговлей.

Письмена у народовъ сначала были очень простые. Египтяне сперва, на примѣръ, рисовали предметъ, о которомъ говорили. Чтобы написать о человѣкѣ, они его рисовали. Потомъ эти рисунки замѣняли отдѣльные слога. На примѣръ: человѣкъ по египетски назывался рот (rot). Вотъ потомъ, когда хотѣли написать слогъ рот, рисовали человѣка. Письмо египтянъ называется іероглифами. У ассири-вавилонянъ черточки подъ разными углами тоже обозначали слоги. Письмена ассири-вавилонянъ поэтому называются клинообразными. Китайцы тоже выдумали знаки для слоговъ и цѣлыхъ словъ, поэтому ихъ азбука состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ знаковъ. Теперь впрочемъ этими письменами у китайцевъ пишутся только ученые книги, т. к. недавно ввели болѣе простую азбуку. Первые знаки для обозначенія звуковъ выдумали финикіяне.

Самыя древнія культуры въ Европѣ это греческая и латинская или римская.

Исторія начинаетъ упоминать о грекахъ и римлянахъ около двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ до нашего времени.

Когда египтяне и ассири-вавилоняне ослабили другъ-друга во взаимныхъ войнахъ съ другими полукочевыми народами, стала появляться культура грековъ и римлянъ. Они принадлежали къ арійскому племени бѣлой расы. Когда они пришли въ Европу неизвѣстно, но, вѣроятно, тысячи четыре лѣтъ тому назадъ.

Греки, состоявшіе изъ многихъ племенъ и образовавшіе нѣсколько государствъ, поселились на Балканскомъ полуостровѣ. Латиняне, тоже состоявшіе изъ многихъ племенъ, поселились на Аппенинскомъ полуостровѣ. Скоро латиняне соединились подъ властью сильнѣйшаго изъ нихъ племени римлянъ и образовали сильное Римское государство.

Весь югъ и почти весь западъ Европы, почти вся Передняя Азія, то есть гдѣ теперь Афганистанъ, Персія и Туркестанъ, Аравія и Малая Азія и сѣверная Африка принадлежали римлянамъ.

Около двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ назадъ началось Великое Переселеніе народовъ. Въ Европу пришли послѣднія пле-

мена арійцевъ. Это были народы, состоявшіе ихъ многихъ родственныхъ племенъ. Сперва пришли кельты, галлы, потомъ германцы и уже послѣ всѣхъ литовцы и славяне.

Эти племена были очень воинственны и искали новыхъ мѣстъ для поселенія. Они принуждены были двигаться дальше на западъ и югъ, такъ какъ ихъ подпирали народы, которые шли за ними съ востока. Римлянамъ пришлось долго выдерживать натискъ арійскихъ племенъ на границы Римской имперіи и долго съ ними воевать, пока римляне не покорили ихъ. Тогда кельты, галлы и германцы осѣли. Славяне послѣ этого еще довольно долго кочевали.

Арійцы, пришедшіе во времена Великаго Переселенія народовъ, до этого кочевали въ Средней Азіи. Устремляясь изъ Азіи въ Европу, народы проходили наиболѣе удобнымъ мѣстомъ. Это мѣсто представляетъ изъ себя равнину, находящуюся между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ и поэтому называется Великими Воротами Народовъ. Нѣкоторыя орды устремились было и на Кавказъ, но, вслѣдствіе его неприступности и непроходимости, застряли и основались на немъ. Этимъ то и объясняется почему на Кавказѣ такъ много различныхъ племенъ.

Народы арійскаго племени, приходя въ Европу, кочуя по ней и постоянно воюя и завоевывая другъ-друга, постепенно сливались другъ съ другомъ, соединялись. Болѣе мелкія племена обыкновенно принимали языкъ и обычаи болѣе крупнаго племени. Понемногу произошли такимъ образомъ народы, которые живутъ теперь въ Европѣ.

Впослѣдствіи Великая Римская Имперія распалась на Западную и Восточную съ горадами Римомъ и Византіей или Константинополемъ и варвары одно время владѣли этими городами. Варварами римляне называли вообще всѣхъ не римлянъ, а такъ же вотъ эти кочевыя племена арійцевъ.

Кочевыя племена, постоянно соприкасаясь съ римлянами и греками, постепенно стали принимать ихъ культуру и отчасти съ ними смѣшиваться.

Варвары разселились по Европѣ слѣдующимъ образомъ: Галлы отчасти осѣли на сѣверѣ Италіи и заняли теперешнія Испанію и Францію, а Германцы заняли Среднюю Европу, Германію и Скандинавскій полуостровъ.

Затѣмъ стали разселяться славяне. Они заняли худшія мѣста, такъ какъ лучшія земли уже были заняты.

Славяне по Средней Европѣ двинулись частью на Западъ, частью на сѣверъ. Часть ихъ поселилась по теченію Вислы и Нѣмана и тѣснила восточныхъ Германцевъ. Эти племена осѣли, гдѣ теперь Польша, Литва, Галиція, Чехія и Моравія.

Вторая часть заняла берега Днѣпра, Припяти и на озерѣ Ильменѣ и рѣкѣ Волховѣ и вступила въ борьбу съ финнами, народами монгольскаго племени, пришедшими сюда ранѣе. Эта часть славянъ образовала впослѣдствіи русское государство.

Третья часть славянъ расселилась вдоль теченія Дуная и, понемногу подвигаясь на югъ, заняла сѣверъ Балканскаго полуострова и потомъ прошла къ Адриатическому морю. Теперь тамъ Болгарія, Сербія, Черногорія, Македонія, Герцеговина.

На смѣну вышедшимъ изъ Средней Азіи арійцамъ пришли монголы и родственные имъ туранцы. Они шли изъ восточной Азіи на западъ и съ юга на сѣверо-западъ. Разсѣявшись по Азіи, они отчасти двинулись въ Европу. Но ихъ въ Европѣ далеко не пустили, такъ какъ почти всѣ народы къ этому времени уже осѣли.

Еще нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ китайцы построили громадную стѣну, тянущуюся на тысячи верстъ, на границѣ своего государства для защиты отъ кочевыхъ монгольскихъ народовъ. Эта стѣна существуетъ и до сихъ поръ.

Первыми племенами желтой расы, пришедшими въ Европу, были гунны, о которыхъ исторія упоминаетъ около полутора тысячъ лѣтъ назадъ. Затѣмъ о желтой расѣ долго не было слышно.

Около тысячи лѣтъ назадъ начали опять упоминать о желтой расѣ. Въ южно-русскихъ степяхъ попеременно смѣняли другъ-друга кочевые племена печенѣговъ, хозаръ и половцевъ.

Впервые татары, изъ монгольскихъ племенъ, появились въ предѣлахъ Россіи лѣтъ семьсотъ назадъ. Татары завоевали Россію и она была подъ ихъ игомъ около двухсотъ пятидесяти лѣтъ.

Приблизительно въ это время въ теперешнемъ Туркестанѣ образовалось большое монгольское государство. Властители или ханы этого государства владѣли всей Средней Азіей. Монголы отчасти поселились и въ Европѣ.

До появленія татаръ въ Туркестанѣ, тамъ кочевали турки-сельджуки туранскаго племени. Они ушли изъ Туркестана и завоевали

сначала Персію, а потомъ Византію. Они занимаютъ теперешнюю Турцію....

Н. Тюринъ.

Дѣтскіе годы великихъ музыкантовъ.

(Биографическіе очерки).

Іосифъ Гайднъ (родился въ 1732 году, умеръ въ 1809 году).

I.

Сегодня праздникъ въ небольшомъ домѣ на краю Рорау, мѣстечка, находящагося близъ венгерской границы въ нижней Австріи. Праздникъ потому, что сегодня долженъ вернуться домой хозяинъ этого дома, экипажный мастеръ Гайднъ. О своемъ возвращеніи онъ писалъ еще три недѣли тому назадъ, воспользовавшись проездомъ черезъ родное мѣстечко одного купца, который ѣхалъ въ Венгрію покупать кожи. Гайднъ могъ бы вернуться и раньше—точного дня пріѣзда онъ и не обозначалъ,—но сегодня онъ долженъ былъ прибыть непременно, такъ какъ завтра начинается ярмарка въ Рорау, на которую съѣзжается много народа изъ окрестныхъ деревень и помѣстій. На этой ярмаркѣ Гайдну всегда удавалось продать нѣсколько телѣгъ, а иногда случалось выгодно спустить на ней какому нибудь помѣщику и дорожный возокъ.

Онъ уже около трехъ мѣсяцевъ былъ въ отъѣздѣ для исполненія одной работы, большой дорожной кареты-дормёза, въ Франкфуртѣ на Майнѣ, то есть за нѣсколько сотенъ верстъ отъ Рорау, и о немъ соскучились и жена, и маленькій Іосифъ, который очень любилъ отца, въ особенности въ вечерніе часы, когда тотъ, окончивъ дневную работу, садился на скамеечку около дома и начиналъ пріятнымъ голосомъ напѣвать пѣсни, причемъ ему вторила мать Іосифа. Это были простыя народныя пѣсенки, но онѣ чрезвычайно нравились Іосифу, и онъ съ нетерпѣніемъ переждалъ тѣ минуты, когда его отецъ переставалъ пѣть и закуривалъ трубку. Эти антракты были опасны еще потому, что когда отецъ переставалъ пѣть и замѣчалъ мальчугана, смотрѣвшаго на него съ раскрытымъ ртомъ, то вспоминалъ, что уже поздно, что Іосифу пора спать, и предлагалъ его матери укладывать его въ постельку.

Вотъ и теперь солнышко уже начинается изъ желтаго дѣлаться краснымъ, вотъ оно дошло до трубы дома священника, на которой, какъ всегда, свила гнѣздо пара аистовъ, и на его золотомъ кругѣ ясно и отчетливо обрисовалась вся важная фигура стараго аиста, стоявшаго на одной ногѣ въ своемъ гнѣздѣ. Но никто не гонитъ спать маленькаго Іосифа, и по той весьма понятной причинѣ, что на дорогѣ, поднимающейся за церковью на отлогій холмъ, показался экипажъ, въ которомъ всѣ немедленно узнали повозку Гайдна. То то радость! Наконецъ то! Вотъ повозка скрылась за церковью, а вотъ она поровнялась уже съ домомъ священника, собака котораго бросилась на нее съ лаемъ, что заставило аиста проснуться и переменить ногу.

Наконецъ отецъ подъѣхалъ къ дому. Радостная встрѣча, разспросы о здоровьи; маленькаго Іосифа и его старшую сестру отецъ поднималъ съ земли и такъ зацѣловалъ, что они чуть не задохлись. Но вотъ понемногу всѣ успокоились, работникъ отпрегъ лошадей и повелъ ихъ водить, а хозяинъ сталъ снимать съ повозки вещи. Тутъ только Іосифъ обратилъ вниманіе на ящикъ странной формы, торчавшій изъ повозки какъ крыло какой-то большой бабочки.

— Папа, папа, это что? — спросилъ онъ отца.

— Это, мой милый, игрушка для твоего папы.

— А я могу съ нею играть?

— Съ нею играть нельзя, а на ней играть можно, только ты еще малъ для этого. Играть буду я, а ты можешь слушать. Это я купилъ у одного стараго музыканта арфу,—обратился Гайднъ къ женѣ. Я съ нимъ прожилъ все время, пробовалъ играть на его инструментѣ, онъ меня подучилъ немного, и вотъ теперь я могу пѣть свои пѣсни съ аккомпаниментомъ.

Бережно снялъ отецъ съ повозки странный ящикъ и внесъ его въ домъ. Іосифъ шелъ за нимъ слѣдомъ и никакъ не могъ понять, какъ выглядить спрятанная въ ящикѣ арфа. Онъ на своемъ короткомъ—всего пять лѣтъ—вѣку уже успѣлъ познакомиться со скрипкою, съ віолою, съ басомъ, съ разными дудками и трубами, черезъ окно въ большомъ господскомъ домѣ одного сосѣдняго помѣстья, куда его взялъ однажды съ собою отецъ, онъ слышалъ звуки инструмента, который его отецъ называлъ фортепіано, въ церкви онъ слушалъ внушавшій къ себѣ уваженіе органъ, но арфа!...



I. Гайднь.

— Ар-фа, ар-фа, ар-фа, твердилъ онъ шопотомъ про себя, ковыряя пальцами въ разныхъ мѣстахъ ящика.

— Ну, завтра я тебѣ покажу арфу,—сказалъ отецъ,—а теперь пора ужинать и спать!

Опять спать! А какъ хорошо было бы посмотрѣть на арфу теперь, сейчасъ узнать, какъ она улеглась въ этомъ старомъ побитомъ ящикѣ.

II.

Но ни завтра, ни послѣ-завтра, ни черезъ недѣлю не удалось Іосифу познакомиться съ арфою: отецъ былъ такъ занятъ ярмаркою и дѣлами, что ему некогда было и думать объ арфѣ. Она стояла, забытая, въ темномъ углу, и даже самъ Іосифъ привыкъ къ ней и скоро пересталъ о ней думать.

Однажды, дней черезъ пять по окончаніи ярмарки, въ теплый ясный вечеръ, Іосифъ усиленно занимался устройствомъ „своего“ сада: онъ рвалъ цвѣты и травки и втыкалъ ихъ въ кучу песка. Травки иногда не слушались, ихъ стебли ломались; поэтому устройство сада шло не такъ гладко, какъ хотѣлось Іосифу, и онъ долженъ былъ очень стараться, чтобы его руки дѣлали не то, что имъ казалось лучшимъ, а то, что казалось лучшимъ ему, Іосифу. Проще говоря, маленькіе пальцы мальчугана еще плохо повиновались ему и онъ старался помочь имъ разными гримасами.

Вдругъ онъ остановился, и цвѣтокъ упалъ изъ его руки.

Въ воздухѣ пронесся какой-то звукъ, еще, еще. Звуки смѣнялись другъ друга безъ всякаго порядка, а все-таки было такъ интересно, что Іосифъ такъ и остался стоять съ раскрытымъ ртомъ.

Но вотъ эта разладаца окончилась. На мгновеніе звуки смолкли, а потомъ потекли ровно, красиво. Это было не фортепіано, и не органъ, это совсѣмъ не было похоже на трубы, флейты и скрипку. Это было что то совсѣмъ особенное. Мальчикъ побѣждалъ къ дому и увидалъ, что отецъ его держитъ какую то трехугольную раму со струнами и играетъ на ней. Это была арфа.

— Такъ вотъ она такая, эта арфа! подумалъ Іосифъ, и онъ уже хотѣлъ спросить отца о чемъ-то относительно арфы, какъ тотъ вдругъ запѣлъ.

Скоро ему стала подпѣвать его жена, мать Іосифа. Пѣніе матери и отца подъ аккомпаниментъ арфы такъ понравилось Іосифу, что онъ какъ бы замеръ и сначала боялся проронить хотя бы единый звукъ. Въ пѣснѣ было нѣсколько куплетовъ, которые много разъ повторялись. Пѣсню Іосифъ давно уже зналъ. Пока не было арфы, ему не хотѣлось пѣть самому, но теперь онъ не могъ удержаться: арфа какъ будто просила его подтянуть его родителямъ. Сначала робко, потомъ смѣлѣе сталъ онъ имъ подпѣвать. Его мать хотѣла было запретить ему „пищать“, но отецъ сказалъ: „пусть поетъ, у насъ такимъ образомъ выйдетъ настоящее тріо“.

Съ тѣхъ поръ Іосифъ всегда принималъ участіе въ этихъ вечернихъ домашнихъ концертахъ. Иногда, если отецъ исполнялъ какую нибудь новую пѣсню, онъ не пѣлъ, а только слушалъ и, взявъ двѣ палочки, изображалъ ими какъ бы игру на скрипкѣ. Въ одинъ изъ такихъ „музыкальныхъ вечеровъ“ познакомился съ искусствомъ мальчика одинъ родственникъ его, Франкъ, бывшій учителемъ и регентомъ въ сосѣднемъ городкѣ. Его поразила отчетливость движеній мальчика, изображавшаго скрипача и то, съ какою серьезностью онъ занимался своею „музыкою“.

— Дайте мнѣ Іосифа. Я возьму его съ собою въ школу и буду учить музыкѣ.

Родители Іосифа хотѣли, чтобы онъ сдѣлался священникомъ, а не музыкантомъ, но во всякомъ случаѣ школа была необходима и предложеніе Франка было поэтому принято. Іосифу пришлось проститься и съ аистомъ, и съ кучей песка и отправиться съ Франкомъ

въ сосѣдній Гайнбургъ. Ему было всего шесть лѣтъ, а онъ уже пѣлъ въ хорѣ и учился играть на скрипкѣ и на фортепіано. Рано онъ ближе познакомился и съ другими инструментами. Ему хотѣлось знать все, что относилось къ музыкѣ, онъ старался дѣлать все, что отъ него требовали, но его родственникъ, вырвавшій его изъ родной семьи, относился къ нему не по родственному, и самъ Іосифъ въ послѣдствіи не разъ говорилъ, что въ домѣ его двоюроднаго брата на его долю выпадало гораздо больше побоевъ, чѣмъ ѣды. Правда, въ часы, свободные отъ занятій, Іосифъ былъ не прочь пошалить и шалости его были иногда слишкомъ велики для шестилѣтняго мальчика. Онъ и шалилъ, и наказывали его за это очень сурово, но занятія шли своимъ чередомъ и онъ быстро развивался въ музыкальномъ смыслѣ.

Вскорѣ послѣ его переезда въ Гайнбургъ туда пріѣхалъ изъ Вѣны придворный композиторъ и дирижеръ оркестра и хора собора св. Стефана Рейтеръ, который вездѣ искалъ мальчиковъ съ хорошими голосами для соборнаго хора. Прелестный голосъ Іосифа, его слухъ и любовь къ музыкѣ поразили Рейтера и онъ рѣшилъ взять его въ Вѣну. Но Іосифу было еще всего шесть лѣтъ, а въ соборный хоръ принимались мальчики не моложе восьми лѣтъ, такъ что мальчику пришлось еще пѣлыхъ два года терпѣть побои и питаться впроголодь.

III.

Наконецъ онъ попалъ въ Вѣну. Въ соборной капеллѣ его обучали пѣнію, игрѣ на скрипкѣ и на фортепіано. Но уроковъ теоріи музыки, то есть тѣхъ правилъ, безъ знанія которыхъ нельзя писать музыки, онъ не получилъ. Тогда Іосифъ, которому къ этому времени было всего десять лѣтъ, рѣшилъ заниматься самъ. Съ трудомъ онъ добылъ себѣ двѣ отличныхъ книги по музыкѣ—„Совершенный дирижеръ“ Маттесона и знаменитый „Gradus ad Parnassum“ Фукса—и сталъ ихъ изучать одинъ, безъ посторонней помощи. Трудно ему было разбираться въ этихъ книгахъ, нелегко дававшихся и взрослымъ. Но умѣніе упорно работать и желаніе непременно сдѣлаться хорошимъ музыкантомъ помогали ему и скоро онъ могъ уже самъ начать сочинять. Жилось въ капеллѣ нелегко: работы было много, а удовольствіе плохое, но веселый и живой Іосифъ не унывалъ и находилъ время для шалостей. За одну изъ такихъ шалостей Рейтеръ

выгналъ Гайдна изъ хора. Онъ, собственно говоря, воспользовался этой шалостью какъ предлогомъ, на самомъ же дѣлѣ ему Гайднъ пересталъ быть нужнымъ, такъ какъ съ годами его прекрасный голосъ пропалъ.

18-ти лѣтъ, въ шумной Вѣнѣ, глубокой осенью, безъ гроша денегъ, Гайднъ очутился на улицѣ. Чего только не передумалъ онъ въ эту ужасную ночь, проведенную подъ открытымъ небомъ. Голодный, иззябшій, онъ прямо не зналъ, что дѣлать. Вѣдь для всѣхъ онъ былъ только пѣвчимъ, выгнаннымъ изъ хора за дурное поведеніе. Никто не зналъ, что этотъ юноша былъ уже почти готовымъ композиторомъ, отличнымъ музыкантомъ. Къ счастью для него, для всѣхъ любящихъ музыку, его случайно на другое утро нашелъ его товарищъ по хору Шпанглеръ. Шпанглеръ былъ не богаче Гайдна, такъ какъ, при скудномъ жалованьи пѣвчаго, онъ долженъ былъ содержать еще жену и ребенка, но онъ не могъ оставить товарища, который умиралъ отъ холода и голода. Онъ взялъ его къ себѣ въ маленькую каморку подъ крышею и пріютилъ его на зиму.

Чего, чего не продѣлалъ за эту зиму Гайднъ, чтобы заработать хотя немного денегъ и отплатить Шпанглеру за его доброе участіе: онъ и ноты переписывалъ, и на улицахъ игралъ разныя серенады, и давалъ уроки почти задаромъ и совсѣмъ уже бесплатно писалъ разныя пьески для своихъ учениковъ. Но онъ не унывалъ, и наконецъ судьба сжалилась надъ нимъ. Нѣкто Бухгольцъ далъ ему 150 гульденовъ (австрійская монета, почти равная нашему рублю). Теперь онъ самъ могъ нанять чердачную каморку и поставить въ ней старое разбитое фортепіано. Правда, въ этой каморкѣ не было печки и холодъ, и вѣтеръ хозяйничалъ въ ней лучше чѣмъ Гайднъ, но онъ могъ здѣсь безъ помѣхи заниматься. И онъ былъ счастливъ! Будучи уже старикомъ онъ вспоминалъ еще объ этомъ времени и говаривалъ: „Сидя за этимъ старымъ, разбитымъ и изъѣденнымъ червями фортепіано, я считалъ себя счастливѣе самого короля“.

Случайно въ томъ же домѣ жилъ знаменитый Метастазіо, писавшій слова для оперъ почти всѣхъ извѣстныхъ композиторовъ того времени. Метастазіо познакомился съ Гайдномъ и рекомендовалъ его, какъ учителя музыки въ одинъ домъ, гдѣ Гайднъ въ свою очередь познакомился съ знаменитымъ учителемъ пѣнія и композиторомъ Порпорою. Порпора поручилъ ему аккомпанировать во время уроковъ пѣнія, а вмѣсто платы занялся съ нимъ теоріею музыки. Черезъ

Порпору Гайднъ сошелся съ другими выдающимися композиторами, жившими въ Вѣнѣ. За это время Гайднъ сочинялъ не мало разныхъ пьесъ, которыя исполнялись иногда даже безъ его вѣдома. Эти пьесы расходились въ рукописяхъ, иногда даже печатались, не принося однако ни гроша ихъ автору. Но имя Гайдна начало пріобрѣтать извѣстность, и въ 1759 году онъ получилъ мѣсто дирижера у графа Морцина. Въ этомъ же году онъ написалъ свою первую симфонію. Съ этого времени онъ перестаетъ испытывать нужду и мало-по-малу пріобрѣтаетъ славу одного изъ величайшихъ композиторовъ всего свѣта.

Такъ упорнымъ трудомъ, не унывая въ самыя тяжелыя минуты жизни, онъ добился того, къ чему стремился съ шестилѣтняго возраста. Веселый, добродушный, склонный къ шуткамъ и шалостямъ даже въ старости, онъ и музыку писалъ легко, весело, позволяя себѣ и въ музыкѣ шутки. На одну изъ такихъ музыкальныхъ шутокъ мы и обращаемъ вниманіе нашихъ читателей. Это его „Дѣтская симфонія“, написанная для оркестра, состоящаго изъ фортепіано, скрипки, виолончели, кукушки, перепела, соловья, трещотки, барабанчика. Это прेमилое сочиненіе стараго „Папа Гайдна“, которое не трудно исполнить и которое всѣмъ исполнителямъ доставитъ большое удовольствіе. Попробуйте исполнить „Дѣтскую симфонію“. Я въ свое время съ удовольствіемъ игралъ въ ней партію перепела.

Н. Кочетовъ.



У х о.

Раковина, молоточекъ, наковальня, стремя, улитка... все знакомыя, давно извѣстныя слова. Когда вы прочитали ихъ, въ вашемъ воображеніи пронеслись различные предметы, которые носятъ эти названія. Но ни одно изъ этихъ словъ не вызвало у васъ представленія о вашемъ ухѣ. А вѣдь ваше ухо состоитъ именно изъ раковины, молоточка, наковальни, стремени и улитки.

Вы знаете, что уши даны вамъ природой для того, чтобъ слышать. Слышать—значитъ воспринимать разнообразныя звуки, будь то: стукъ, звонъ, выстрѣлъ или болтовня вашихъ друзей. Но прежде чѣмъ познакомиться съ тѣмъ, какимъ образомъ ухо воспринимаетъ различные звуки, вамъ не мѣшало-бы узнать, что такое вообще звукъ и откуда онъ происходитъ.



Если вы бросите въ воду камень... „то онъ, конечно, утонетъ“, думаете вы? Правильно—утонуть-то онъ дѣйствительно утонетъ, но не въ этомъ дѣло. Въ моментъ соприкосновенія съ водой онъ нарушитъ спокойствіе зеркальной поверхности ея, и въ разныя стороны разбѣгутся кругообразныя волны и побѣгутъ далеко-далеко, пока не встрѣтятъ какого-либо препятствія или совершенно не сойдутъ на нѣтъ. Съ чѣмъ большей силой брошенъ камень, тѣмъ больше будутъ и волны и тѣмъ дальше побѣгутъ онѣ. Если теперь мы бросимъ камень не въ воду, а на полъ, то въ моментъ соприкосновенія съ нимъ, камень нашъ нарушитъ спокойствіе воздуха и отъ колебанія его (воздуха) произойдетъ звукъ. Волны воздуха разбѣгутся, подобно водянымъ волнамъ, въ разныя стороны, причемъ, чѣмъ сильнѣе будетъ ударъ камня объ полъ, тѣмъ громче будетъ звукъ удара и тѣмъ дальше побѣгутъ воздушныя волны. Если мы будемъ находиться недалеко отъ мѣста паденія камня, то звуковыя волны достигнутъ нашего уха, и мы услышимъ звукъ удара. Если-же мы будемъ находиться далеко, то звуковыя волны, подобно волнамъ воды, сойдутъ на нѣтъ, не достигнувъ нашихъ ушей, и мы ничего не услышимъ. Чѣмъ сильнѣе будетъ ударъ паденія, тѣмъ сильнѣе будетъ и колебаніе воздуха и тѣмъ дальше разбѣгутся звуковыя волны. Болѣе сильный ударъ будетъ слышенъ намъ на болѣе далекомъ разстояніи.

Теперь является вопросъ: дѣйствительно-ли звукъ происходитъ отъ колебанія воздуха или отъ какой другой причины? Проверимъ это. Возьмемъ какой-нибудь музыкальный инструментъ, хотя-бы гитару, а то просто—тоненькую веревку и натянемъ ее посильнѣй, прикрѣпивъ къ чему-нибудь одинъ ея конецъ.

Струна гитары или натянутая веревка не издаетъ никакого звука, пока находится въ спокойномъ состояніи. Но стоитъ лишь заставить ее колебаться, что вы, надѣюсь, съумѣете сдѣлать и безъ моей помощи, какъ мы тотчасъ-же услышимъ звукъ. Что струна колеблется, мы видимъ своими глазами, звукъ—мы слышимъ своими собственными ушами. Наблюдая за струной, мы замѣчаемъ, что ея колебанія становятся все меньше, а вмѣстѣ съ тѣмъ и звукъ становится все тише и тише и, наконецъ, прекращается совсѣмъ. Если, не дожидаясь пока веревочка успокоится, мы захотимъ прекратить звукъ, намъ стоитъ лишь остановить рукой колебаніе веревочки... Ну что?—правда?

Если мы возьмемъ листъ жести или картона и потрясемъ имъ

въ воздухѣ, то услышимъ звукъ, похожій на громъ небесный. Это чудо происходитъ отъ того, что, тряся картонъ, мы приводимъ въ движеніе окружающій воздухъ и отъ сотрясенія его происходитъ звукъ.

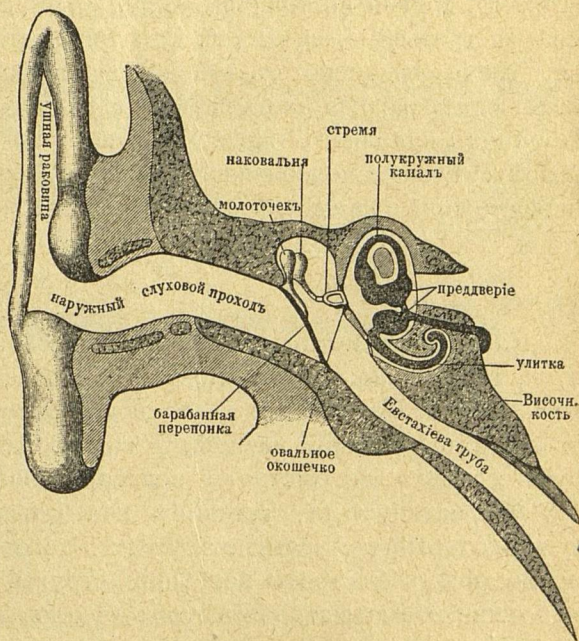
Если вы, читатель, скуки ради, вздумаете понаблюдать за происхожденіемъ звуковъ, то вы замѣтите, что всякій ударъ вызываетъ сотрясеніе воздуха и что это сотрясеніе производитъ звукъ.

А теперь перейдемъ къ нашимъ раковинамъ.

* * *

Ушная раковина, или, другими словами, наружное ухо не имѣетъ особеннаго значенія, и если-бы мы вздумали его отрѣзать, то легко могли-бы обойтись и безъ него. Стоитъ лишь свернуть фунтикомъ

бумажку и вставить ее въ дырочку. Наружное ухо служитъ лишь для того, чтобы собирать въ одно мѣсто возможно больше звуковыхъ волнъ. Все равно, какъ воронка, которую вставляете вы въ бутылочку, когда, вливая воду, не хотите, чтобы она проливалась мимо горлышка. Гораздо большее значеніе имѣетъ внутреннее ухо, которое начинается за барабанной перепонкой. Сама барабанная перепонка также представляетъ изъ себя главнѣйшую часть ва-



Ухо.

шего слухового аппарата. Она состоитъ изъ тонкой кожицы, натянутой въ углубленіи вашей ушной раковины. Она настолько тонка, что малѣйшее колебаніе воздушныхъ волнъ заставляетъ ее также колебаться.

Чувствительность ея настолько велика, что различные звуки, доходящіе до вашего уха, колеблютъ ее каждый разъ иначе. Листъ картона, которымъ вы потрясете въ воздухѣ, приведетъ его въ извѣстное колебаніе. Волны воздуха понесутся въ разныя стороны и, достигнувъ вашего уха, точно такимъ-же образомъ поколеблютъ вашу барабанную перепонку и вы услышите звукъ колеблющагося картона. Вотъ простое, хотя и довольно грубое описаніе того, отчего вы слышите. На самомъ дѣлѣ, это, конечно, не такъ уже просто. Для того, чтобъ уши могли передавать вашему мозгу звуковыя впечатлѣнія, природа должна была устроить особый механизмъ, называемый внутреннимъ ухомъ. Барабанная перепонка своимъ колебаніемъ только приводитъ въ дѣйствіе этотъ сложный механизмъ.

Къ внутренней сторонѣ барабанной перепонки прикрѣплена небольшая косточка, называемая „молоточкомъ“. Молоточекъ соприкасается съ другой косточкой: „наковальной“, а послѣдняя уже прикрѣплена къ третьей—„стремени“. Эти три косточки называются *слуховыми*. Стремя соединено съ тончайшей перепонкой, за которой скрывается самая важная часть вашего слухового аппарата—„лабиринтъ“. Лабиринтъ наполненъ жидкостью, которая приходитъ въ колебаніе, соотвѣтствующее колебанію барабанной перепонки и передающееся жидкости при посредствѣ слуховыхъ косточекъ.

* * *

Какъ слово можно разложить на слоги, слогъ—на буквы или звуки, такъ точно и звукъ можетъ быть раздѣленъ на рядъ отдѣльныхъ *тоновъ*. Каждый тонъ, въ свою очередь, дѣлится на множество отдѣльныхъ колебаній звуковыхъ волнъ. Одинъ тонъ отличается отъ другого только по быстротѣ колебаній воздуха. Если мы возьмемъ струну и, натянувъ ее, заставимъ колебаться и колебать воздухъ, то звукъ, который мы услышимъ, будетъ того или другого тона, въ зависимости отъ быстроты колебаній струны. Чѣмъ колебанія эти будутъ чаще и быстрее, тѣмъ тонъ будетъ выше и наоборотъ: чѣмъ колебанія будутъ рѣже, тѣмъ тонъ—ниже. Когда мы слушаемъ звенящую струну, то, какъ я говорилъ вамъ, наша барабанная перепонка колеблется, причѣмъ колебаніе ея зависитъ отъ частоты колебаній воздушныхъ волнъ, вызванныхъ движеніемъ струны. Движеніе барабанной перепонки, соотвѣтственнымъ-же образомъ заставляетъ коле-

баться жидкость, находящуюся во внутреннемъ ухѣ, которая, въ свою очередь, даетъ движеніе находящимся въ лабиринтѣ маленькимъ струнамъ. Струны эти. носятъ названіе Кортиевыхъ дугъ. Названіе это дано имъ по имени барона Кортия, который первый замѣтилъ ихъ присутствіе во внутреннемъ ухѣ человѣка. Кортиевы дуги натянуты въ нашемъ ухѣ въ особомъ помѣщеніи, называющемся улиткой. Если вы посмотрите на рисунокъ и разыщите на немъ изображеніе улитки, то вамъ станетъ ясно, почему именно ей дано такое названіе. Кортиевы струны натянуты въ нашемъ ухѣ, подобно обыкновеннымъ струнамъ рояля, и подъ вліяніемъ колебанія окружающей ихъ жидкости онѣ также начинаютъ колебаться. Изъ ихъ колебаній создаются тоны, а изъ тоновъ звуки, которые по опредѣленнымъ нервамъ передаются нашему сознанію и происходитъ то, что *мы слышимъ*.

Н. Якубовскій.



По Швейцаріи.

17 іюля 1907 года.

Вотъ мы и въ Базелѣ: это тихій, опрятный, бѣленькій, чисто-буржуазный городокъ: интереснаго въ немъ очень мало и мы воспользовались промежуткомъ между 2 поѣздами, чтобы осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности.

Недалеко отъ вокзала въ хорошенькомъ скверѣ стоитъ памятникъ: онъ представляетъ изъ себя группу: молодая женщина безсильно прислонилась къ другой, защищающей её отъ демона, напрасно силиющагося утащить несчастную: плачущія нагія дѣти тянутся къ спа-

сительницѣ; на пьедесталѣ выбиты замѣчательно красивые барельефы, и надпись на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, гласящая, что это поставлено въ память помощи Швейцаріи во время осады Страсбурга, благодарнымъ сыномъ послѣдняго. Затѣмъ мы пошли къ старинной церкви, откуда прекрасный видъ на Рейнъ. Блѣдно-голубой, онъ медленно катитъ свои волны среди зеленыхъ береговъ; на другой сторонѣ дымятъ фабрики: тамъ кипитъ жизнь, движеніе, а величавая рѣка какъ-будто застыла и только изрѣдка пробѣгаютъ по ней серебристыя змѣйки. Когда мы налюбовались этимъ дивнымъ видомъ, тетя предложила пойти осмотрѣть музей, гдѣ находится хорошее собраніе картинъ Бёклина и Гольбейна. Какая масса и яркость красокъ въ картинахъ перваго! Какъ мягки, округлены тѣла! Сколько гармоніи даже въ рѣзкихъ цвѣтахъ! Особенно прекрасны пейзажи: кажется, что колышется рожь, гнутся подъ вѣтромъ, скрѣпя, деревья, съ шумомъ бьется море о берегъ. Среди картинъ и рисунковъ Гольбейна больше всего поражаетъ тонкость и искусство отдѣлки: замѣчательно хороши его этюды рукъ и головъ. Интересны рисованныя перомъ изображенія смерти, приходящей въ разныхъ видахъ къ разнымъ людямъ.

Но больше всего поразила меня одна картина: это снятое съ креста тѣло Христа: какой ужасный трупъ; изможденное съ кровавыми ранами тѣло, посинѣвшія руки и ноги, растрепанные волосы: все покрыто печатью смерти... Но довольно объ этомъ!

Въ музеѣ находятся также собраніе разныхъ другихъ картинъ и коллекціи разныхъ раковинъ, минераловъ и т. п. Намъ не удалось всего осмотрѣть, пора было возвращаться: поѣздъ уходилъ черезъ нѣсколько минутъ...

19 іюля 1907 года.

Изъ Базеля мы переѣхали въ Люцернъ; какая разница между двумя городами: жизнь такъ и кипитъ въ послѣднемъ: нарядные, веселые туристы, смѣющіяся лица мелькаютъ всюду; слышна русская, англійская, итальянская рѣчь. Кажется, будто городъ празднуетъ вѣчный праздникъ. А озеро! оно такъ и искрится, такъ и сверкаетъ, словно прижимаясь къ цвѣтущимъ берегамъ. Черезъ него переложено нѣсколько мостовъ; особенно интересенъ одинъ, старый-престарый, на деревянныхъ сваяхъ съ остроконечной крышей, подъ которой

укрѣплены картины исторіи Люцерна съ подписанными внизу стихами. Отдохнувъ немного, мы отправились осмотрѣть знаменитаго Люцернскаго льва. Онъ дѣйствительно прекрасенъ и трогателенъ; когда входишь, то прямо передъ глазами огромная сѣрая скала. Въ ней высѣчена небольшая пещера: тамъ лежитъ умирающій звѣрь, пораженный стрѣлой. Онъ судорожно сжалъ лапами гербъ Франціи и прислонился къ нему головой. Зеленъ деревьевъ еще ярче отгѣняетъ сѣрый угрюмый дворъ камня. Тутъ-же недалеко находится садъ-глетчеръ: въ почвѣ прорыты глубокія воронки, на днѣ которыхъ лежатъ огромные камни. Диаметръ самой большой изъ этихъ мельницъ (такъ называются воронки) имѣетъ около трехъ десятковъ метровъ: страшно взглянуть въ ея глубину. Но впечатлѣніе смягчается, почти уничтожается зеленью и цвѣтами, растущими повсюду; тутъ-же пріютились разныя бесѣдки, въ скалахъ пробиты гроты, разставлены статуи; нѣсколько ступенекъ ведутъ къ крошечной избушкѣ, гдѣ умѣщаются только столикъ и два стула. Невдалекѣ находится красивое зданіе, гдѣ находится небольшой музей: собраніе минераловъ, находимыхъ въ горахъ и коллекція альпійскихъ животныхъ, очень хорошо и живо разставленныхъ на скалахъ, въ расщелинахъ которыхъ пробивается зелень. Тамъ-же панорама Рейнскаго водопада. Осмотрѣвъ все, мы спустились нѣсколько ступенекъ и очутились въ лабиринтѣ: онъ весь изъ искусно разставленныхъ зеркалъ, между красивыми въ восточномъ вкусѣ колоннами: между ними разбросаны красивыя группы. Зеркала отражаютъ и переотражаютъ, и получается такая путаница, изъ которой при лучшемъ желаніи, нельзя выбратъся: приходится все время наткаться то на стѣны, то на людей. Вотъ красивая кушетка, покрытая тканями. Съ наслажденіемъ опускаюсь на нее... и скользя спиной по стеклу, плотно усаживаюсь на полъ.

Увы! сама кушетка была совершенно въ противоположной сторонѣ. Иду далѣе, верчусь, верчусь и подъ конецъ оказываюсь на томъ же самомъ мѣстѣ. На нашихъ лицахъ появляется чуть-ли не отчаяніе: и смѣшно, и досадно на себя за то, что нельзя выбратъся изъ этого заколдованнаго круга. Но вотъ появляется ангелъ-спаситель—служащій, появляется и вдругъ, вмѣсто одного ихъ цѣлыхъ пять, десять, сто. Со всѣхъ сторонъ двигаются на насъ они. Нконецъ, слава Богу, мы кое-какъ собрались и онъ вводитъ насъ въ клѣтушку, откуда виденъ весь лабиринтъ: колонны вдругъ становятся прозрачными, какъ хрусталь, затѣмъ вдругъ все озарилось блѣдно-розовымъ цвѣтомъ,

смѣнившимся блѣдно-зеленымъ... Усталые, довольные и смѣющіеся, мы вернулись домой.

24 іюля 1907 года.

Какъ дивно хорошъ былъ переѣздъ изъ Люцерна сюда! Это голубое, почти синее озеро искрится такъ, что глазамъ больно: вотъ исчезъ послѣдній домикъ Люцерна, бѣлаго и потонувшаго въ зелени; маленькія виллы, окруженныя садами, пріютились у самой воды; зеленые поля и луга покрыли скаты горъ. А надъ всѣмъ гордо высятся два великана: Пилать и Ринъ; далеко въ небо уперлись они головами, волны омывають ихъ ноги. А вотъ и встрѣчный пароходъ! Намъ машутъ платками, кричатъ что-то; весело гудитъ свистокъ...—и онъ ужъ исчезъ, потонулъ въ этой лазури. Издали, кажется, что горы загородили путь: не пройдемъ! но озеро попрежнему широко и спокойно, словно сапфиръ въ оправѣ изъ изумрудовъ... Пріѣхали! Надо слѣзать...

Мѣстечко, въ которомъ мы остановились, совсѣмъ деревня. Но извините, я оговорила: подъ словомъ „деревня“ нельзя подразумѣвать то грязное захолустье, гдѣ не только умираешь со скуки, но гдѣ и мяса подчасъ нельзя достать. О нѣтъ! Здѣсь все, что угодно: и пароходъ, и желѣзная дорога, и почта съ телеграфомъ и телефономъ, электричество, водопроводъ—словомъ, такія удобства, какія рѣдко найдешь и въ губернскомъ городѣ, не говоря объ уѣздныхъ. Улица, правда, одна, но зато чистая, плотно убитая камнями; дома высокіе, двухэтажные, каменные или на каменномъ фундаментѣ съ черепичными крышами. Посмотримъ, какъ выглядятъ они внутри! Вотъ домикъ служащаго носильщикомъ на желѣзной дорогѣ; кромѣ верхнихъ комнатъ, сдаваемыхъ намъ, онъ съ женой и тремя дѣтьми занимаетъ нижній этажъ, состоящій изъ кухни и двухъ жилыхъ комнатъ. Первое, что бросается въ глаза—это образцовая чистота. Стѣны оклеены пестренькими обоями, полы деревянные, но чисто вымытые и покрытые ковромъ, кровати, которыми обладаетъ каждый членъ семьи, не исключая трехлѣтняго Данни, покрыты бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ; у стѣнъ стоятъ огромные шкафы, напоминающіе Ноевъ ковчегъ и могущіе вмѣстить въ себѣ все движимое имущество хозяевъ и полочки съ хорошенькими бездѣлушками; окна съ хорошими стеклами и занавѣсками, большое зеркало; столъ покрытъ салфеткой. Такой-же

порядокъ и опрятность царять въ кухнѣ; ѣдятъ по нѣскольку разъ въ день и хотъ разъ—обязательно мясо; дѣти всегда въ чистомъ платьѣ и бѣлѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, умытые, причесанные. Домикъ окруженъ прелестнымъ садикомъ, гдѣ вперемѣжку съ ягодами и овощами растутъ розы, левкой, резеда и другіе цвѣты; въ стойлѣ стоятъ три здоровенныя коровы, въ клѣтушкѣ хрюкають свиньи, кудахчаты куры. Старшая дѣвочка ходитъ въ школу, гдѣ ихъ обучаютъ закону Божьему, грамматикѣ, чтенію и письму, ариѳметикѣ, отечественной и естественной исторіи, рисованью и рукодѣлію. Ученіе и книги бесплатно, за нехождение въ школу налагается штрафъ и вслѣдствіе этого всѣ крестьяне грамотны за рѣдкимъ исключеніемъ. Въ свободное время дѣвочка играетъ куклой, но не какой-нибудь тряпичной Матрешкой, а прекрасной фарфоровой съ закрывающимися глазами, подвижными членами и настоящими не малеванными волосами. Шесть дней мои швейцарцы усердно работаютъ, но вотъ наступаетъ воскресенье: съ утра всѣ принаряжаются; хозяинъ въ чистомъ сюртукѣ и манишкѣ, жена и дѣти—въ новыхъ свѣтлыхъ платьяхъ. Они отправляются куда-нибудь въ гости или просто погулять. Молодежь собирается вмѣстѣ, устраиваются танцы; нѣкоторые изъ молодыхъ людей танцуютъ, скинувъ тяжелые башмаки, въ однихъ носкахъ. Хохотъ, шутки, крикъ, но ни одного неприличнаго грубаго слова, ни одного пьянаго на улицѣ... Въжливость швейцарцевъ замѣчательна. Рабочій-ли, спѣшашій на работу, карапузъ-ли, играющій въ пескѣ, они обязательно приподнимутъ шляпу и скажутъ: „Gut'n Morgen!“ Швейцарецъ не заставитъ стоять даму, какъ это часто дѣлаетъ нѣмецъ. Кондукторъ трамвая, капитанъ парохода скорѣе прождетъ нѣсколько лишнихъ минутъ, чѣмъ уѣдетъ у васъ подъ носомъ. Заклучу тѣмъ, что упомяну честность этого народа; вы смѣло можете уйти, оставивъ деньги на столѣ и лишь притворивъ дверь. Всѣ дороги обсажены фруктовыми деревьями, а въ южной Швейцаріи виноградомъ и никто никогда ничего не беретъ. Словомъ, швейцарская деревня—это маленькій, чистый и цивилизованный городокъ.

3 августа 1907 года.

Нѣтъ, никогда, никогда не забуду я этого дивнаго путешествія! Мы выѣхали скорымъ поѣздомъ рано утромъ. Вотъ мелькнуло въ послѣдній разъ озеро, какъ-бы прощаясь съ нами, мелькнуло и исче-

зло. Высоко поднявшись, заступили горизонтъ горы; у подошвы и по скатамъ ихъ, подъ самыми облаками пріютились маленькіе домики. Поѣздъ замедляетъ ходъ и съ трудомъ карабкается на гору; мы подымаемся все выше и выше. Оставленный путь лежитъ прямо подъ нами. Ухъ, какъ страшно! Глубоко, глубоко внизу лежитъ городокъ; онъ кажется карточнымъ; вотъ мостъ; поѣздъ лѣпится у самого края и кажется, сейчасъ полетитъ внизъ, въ это страшное ущелье, гдѣ съ шумомъ и ревомъ прыгаетъ съ камня на камень ручей. Около Брюнинга мы уже на высотѣ больше тысячи метровъ; недалеко отсюда находится замѣчательно красивый водопадъ; стекая съ горъ, потокъ неожиданно образуетъ уступъ и падаетъ внизъ, весь бѣлый, покрытый пѣной. Нѣсколько дальше, мы проѣхали рѣку Ааръ, буровато-желтую и прямую какъ стрѣла. Незамѣтно поѣздъ начинаетъ спускаться; виды все время мѣняются; то—дикое суровое ущелье, все поросшее хвойнымъ лѣсомъ, и рѣка течетъ извиваясь по нему, со всѣхъ сторонъ окружили его горы; высокій лѣсъ покрылъ ихъ, а намъ кажется онъ мхомъ; голыя скалы, недоступныя даже растениямъ, уперлись въ него; кое-гдѣ пріютились на нихъ мелкія бѣлыя облачка. То—горы отступаютъ назадъ, и передъ глазами въ долинѣ раскинулись веселыя деревушки. То вдругъ туннель охватитъ своимъ мракомъ и холодомъ и скроетъ на минуту весь видъ, какъ будто только для того, чтобы человѣкъ могъ лучше увидѣть снова красоту природы. Вотъ сверкнуло, наконецъ, и озеро; мы ѣдемъ почти по самому берегу; пахнетъ свѣжестью... Близко Бріенцъ... Въ Бріенцѣ мы пересѣли на пароходъ. Я видѣла нѣсколько озеръ, но самое красивое изъ нихъ это, безъ сомнѣнья, Бріенцское: оно ни голубое, какъ Фирвальдштеттерское, ни синее, какъ Тунское и Женевское, я ихъ видѣла послѣ, но прозрачно-зеленое, того зеленого цвѣта, который напоминаетъ изумрудъ.

Горы тутъ не такъ заросли, какъ обыкновенно и освѣщенные солнцемъ, казались розовыми; трудно рѣшить, что красивѣе? Они дополняютъ другъ друга. Не будь озера, горы потеряли-бы въ красотѣ и наоборотъ. Мы проѣхали мимо Биссбаха; онъ падаетъ въ озеро; темная зелень елей ярко отдѣляетъ его пѣнистую бѣлизну; вотъ и Интерлакенъ; красивый городъ, надъ которымъ высится бѣлоснѣжная Юнгфрау; странно смотрѣть на эту массу снѣга, на эти огромные ледники, въ то время, какъ лѣтнее солнце печетъ во всю. Долго стояла непоколебимо она, эта гора, гордясь своей дѣвственной чистотой;

она смѣялась надъ усиліями тѣхъ маленькихъ сѣрыхъ муравьевъ, копошившихся у ея подножья, тщетно пытаясь взобраться на вершину; а они тащили желѣзныя полосы, укладывали ихъ, съ величайшимъ трудомъ пробивали шагъ за шагомъ путь, и скоро зашумѣлъ, засвистѣлъ паровикъ среди безмолвныхъ равнинъ, раздалися человѣчьи голоса тамъ, гдѣ царила прежде торжественная тишина. Увы, не сбылась мечта Тургенева! Еще не замерзла земля, а ужъ вступила нога человѣка на Юнгфрау...

7 августа 1907 года.

Изъ Интерлакена мы переѣхали въ Шпицъ по Тунскому озеру; оно поражаетъ своей темной синевою; сначала мы ѣдемъ по каналу; съ обѣихъ сторонъ сосновый лѣсъ; выѣхали; заработало колесо, пѣна съ шумомъ разбрасывается полукругомъ, плавно поворачивается пароходъ; поверхность воды постепенно успокаивается и только рой пузырьковъ подымается съ глубины; прозрачно непроницаемо озеро; оно, какъ расплавленная бирюза, еле-еле колышется въ своихъ берегахъ; лучи солнца, переломляясь въ водѣ, образуютъ какія-то звѣзды, и хочется заглянуть туда, внутрь, подъ этотъ влажный покровъ. Какъ хорошо, какъ вольно дышется въ этой свободной странѣ, гдѣ такъ дивна природа и такъ безавѣтно-веселы люди! Но я заговорила. Возвращаюсь къ разсказу. Изъ Шпица мы отправились въ Монтрё. Особенно красива была послѣдняя часть пути. Передъ нашими глазами открываются дивные пейзажи; высокія горы въ самыхъ причудливыхъ формахъ, то покрылись лѣсомъ, то голыя и неприступныя въ своей дикой первобытной красѣ; вотъ надъ шумящимъ среди скалъ потокомъ, надъ страшнымъ обрывомъ, повисъ тонкій желѣзный мостикъ; издали онъ кажется прямо кружевнымъ; дальше ландшафтъ смягчается; горы усажены виноградниками, расположенными террасами; небольшая рѣчка течетъ извиваясь между воздѣланныхъ полей; кое-гдѣ пріютились бѣлые домики съ красными крышами; и надъ всѣмъ изогнулось сладострастнымъ куполомъ южное синее небо; но вдругъ туннель охватываетъ насъ, другой, третій; быстро мелькаютъ они одинъ за другимъ, мѣшая любоваться видами; наконецъ, вылетаемъ изъ послѣдняго—и передъ глазами разстилается широкая панорама; огромное, похожее на море, Женевское озеро раскинулось, словно обнимаясь съ плодородной землей; вотъ вдали видна кажущаяся се-

ребристой лентой Рона, впадающая въ него; какъ на ладони лежатъ всѣ города съ прямыми улицами и острыми шпицами церквей; и высоко, выше всего стоитъ „Dent du midi“. Южный зубъ, покрытый снѣжными ущельями между голыми пиками; но вотъ дивный видъ скрылся за горой; мы мчимся съ бѣшенною быстротою внизъ.

Въ Монтрѣ мы осматривали Шильонскій замокъ; издали онъ кажется сѣрой скалой, вдавшеюся въ озеро; мрачныя каменныя башни съ узкими бойницами, тяжелые своды, давятъ васъ своей массивностью; пройдя черезъ дворъ, усаженный теперь цвѣтами и разстеніями, спускаешься нѣсколько и сначала ничего не можешь различить, но мало-по-малу привыкаешь къ царящему тамъ сумраку; сквозь узкія окна еле брезжить свѣтъ; огромныя каменныя колонны, каменный полъ съ еще неизгладившимися выступами скалы; давно, давно здѣсь звенѣло оружіе и проводили узниковъ, которымъ не суждено было вернуться на Божій свѣтъ; слѣдующая за этой залой комната, гдѣ находится каменная кровать, на которой проводили послѣднюю ночь, приговоренные къ смертной казни; здѣсь-же ихъ удавливали и бросали въ озеро; теперь двери нѣтъ и лазурныя волны нѣжно плещутъ о каменныя ступени, словно и не вѣдали они никогда о жестокости людей. Но самое ужасное, мрачное, сырое—это темница, гдѣ томился несчастный Бониваръ; слабый лучъ солнца тщетно старается побороть темноту; въ одной изъ колоннъ вѣлано большое ржавое кольцо, къ которому когда-то была прикрѣплена цѣпь узника; отъ постоянной ходьбы его по одному мѣсту, въ камнѣ протоптана небольшая колея; колонны покрыты надписями заходившихъ туда туристовъ; между прочимъ, показываютъ надпись Ботрифга; изъ тюрьмы нѣтъ выхода и приходится возвращаться на дворъ, чтобы попасть въ другія, болѣе привѣтливыя теплыя комнаты; но видно въ тотъ вѣкъ не знали ни изящества, ни комфорта: тяжелые дубовые столбы, жесткія скамьи, покрытыя рѣзбой, похожіе на гробы сундуки, стѣны покрыты гербами, и каменные каміны—все это сдѣлано грубо, неуклюже. Въ сторожевой комнатѣ есть двѣ старинныя пушки. Онѣ до того несовершенны, покрыты всякими украшеніями, что странно думать, что когда-то ихъ употребляли въ дѣло. Рядомъ съ комнатою суда, есть небольшой скрытый уголокъ; деревянный, весь обуглившійся столбъ стоитъ посрединѣ; „здѣсь пытали подсудимыхъ“, раздается монотонный голосъ гида. И когда слушаешь его рассказы о совершавшихся здѣсь жестокостяхъ, глядишь на эту сѣрую громаду,

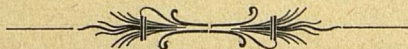
на эти молчаливые стѣны-свидѣтели былыхъ мученій и убійствъ—жутко становится на душѣ и радуешься, что прошли ужъ тѣ суровыя времена... Мы вышли наружу: то-же прозрачное озеро сіяло въ лучахъ солнца, тѣ-же горы вздымались къ небу!

Прекрасно Женевское озеро. Оно плавно разступается подъ колесами нашего парохода, и только узкій бѣлый слѣдъ обозначаетъ нашъ путь; небо синее, пресинее, но въ сравненіи съ озеромъ оно кажется блѣдно-молочнаго цвѣта; широко разступились горы, покрытыя террасами виноградниковъ; безбрежна водная гладь, сливающаяся на горизонтѣ съ небомъ; бѣлыя чайки, какъ серебристыя точки, выются надъ нимъ, падаютъ сверху, несутся надъ самой водой и вдругъ исчезаютъ, чтобы снова появиться въ другомъ мѣстѣ; иногда появится лодочка-барка съ двумя остроконечными парусами, блеснетъ на солнцѣ своей бѣлизной и скроется за какимъ-нибудь выступомъ скалы; солнце уже заходило, когда мы подѣзжали къ Вевей и пурпурное зарево заката обнимало весь западъ; кое-гдѣ по нему проходили алыя пятна облаковъ; съ другой стороны небо было совершенно чистое, прозрачно-голубое, какъ бываютъ иногда незабудки; но вотъ послѣдній лучъ солнца скрылся, и только вершины горъ горѣли, какъ огонь, да по небу скользили послѣднія легкія розовыя облачка... Но вотъ и они потухли...

15 августа 1907 года.

Вевей, гдѣ была наша послѣдняя остановка, это красивый, чистый и сравнительно крупный городъ; интереснаго въ немъ ничего нѣтъ, развѣ только променада на берегу озера, вся усаженная огромными, дивными, разросшимися платанами. Какъ хорошо сидѣть на скамейкѣ подъ густой тѣнью!... Оттуда мы ѣдемъ, уже не останавливаясь нигдѣ, прямо въ Москву. Довольно погуляли! Пора и за ученье...

Р. Шоръ.



Ну-ка разгадайте!

Съ *Д* у плотника ищите,
Съ *Б* во мнѣ не утоните,
Съ *З* я всѣмъ повелѣваю,
И кормлю, и одѣваю?

* *
*

Хоть собою я и малъ,
Но нравомъ очень злой;
Тебя пребольно я кусалъ
Не разъ во тѣмъ ночной.
И если ты меня найдешь,
То, безъ сомнѣнія, убьешь.
Прочти меня наоборотъ,
Совсѣмъ ужъ я не тотъ;
Когда война съ врагомъ идетъ,
Меня на бой ведетъ
Лихой и бравый генералъ...
Теперь я все вамъ рассказалъ.

* *
*

Безъ пилы, безъ топора
Изъ зеленой вѣчно ели
Какъ намъ сдѣлать, господа,
Для житія монахамъ келью?



Издація годъ II.

Открыта подписка на 1908 годъ
НА ЖУРНАЛЬ

Издація годъ II.

ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ.

Органъ Народнаго Учителства.

Выходитъ 20 разъ въ годъ книжками отъ 2—4 листовъ.

Журналъ ставитъ своей задачей содѣйствовать объединенію работниковъ по народному образованію для достиженія наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ. Народные учителя, руководители и преподаватели школъ и курсовъ для взрослыхъ, попечители школъ, заведующіе народными бібліотеками, аудиторіями, книжными складами и другими образовательными учрежденіями — вотъ тѣ работники на мѣстахъ, участіе которыхъ на страницахъ журнала признается особенно цѣннымъ. Журналъ сообщаетъ о всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ явленіяхъ въ области законодательства по народному образованію, научно-педагогической литературы и общедоступной литературы, по всѣмъ отраслямъ знанія, практической дѣятельности общественныхъ учрежденій и частныхъ союзовъ, а также даетъ всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Д. Н. Анучинъ, В. А. Алзимировъ, К. В. Аркадакскій, С. М. Бзекловъ, Я. В. Борисовъ, И. Н. Бороздинъ, Ю. А. Буниязъ, И. П. Вязокопскій, Ч. Вятринскій, А. Ф. Гартвицъ, Н. Н. Ге, А. К. Дживелеговъ, Н. Ф. Евзерскій, А. В. Заремба, А. У. Зеленко, Е. А. Златинцевъ, Н. Н. Юрданскій, В. Е. Игнатьевъ, И. Н. Игнатовъ, П. Н. Казанцовъ, Н. В. Касаткинъ, С. А. Князьковъ, С. Г. Крапивинъ, И. О. Левинъ, А. А. Локтинъ, А. А. Мануиловъ, Э. Э. Маттереръ, П. Е. Мельгуновъ, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, С. П. Моравскій, Ф. Ф. Нелидовъ, Н. М. Никольскій, И. И. Поповъ, А. С. Пругавинъ, В. А. Розенбергъ, В. В. Ротъ, Н. А. Рубининъ, Л. Н. Рутцинъ, П. Н. Сакудинъ, И. Н. Сахаровъ, Е. И. Смирновъ, М. Х. Свинтицкая, В. И. Смирятниковъ, С. О. Сѣрополоко, А. А. Титовъ, М. Ф. Тихомировъ, В. М. Устиковъ, Г. А. Фальборкъ, Л. В. Хавкина, Н. В. Чеховъ, В. И. Чарнолусскій, кн. Д. И. Шаховской, В. А. Щербъ, В. Е. Якушкинъ, Д. О. Ярошевичъ.

Подписная цѣна на журналъ 2 р. въ годъ и 1 р. на полгода.

Цѣна отдѣльной книжки 10 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Полянка, Успенскій пер., д. 8, кв. 2.

Редакторы-издатели Н. В. Тулуновъ и П. М. Шестаковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ „ОТКРЫТКА“ на ежемѣсячный журналъ

Журналъ выходитъ по слѣдующей программѣ:

1) Отъ редакціи. 2) Статьи по исторіи открытыхъ писемъ. 3) Справочныя свѣдѣнія по изданію открытыхъ писемъ. 4) Списки русскихъ и иностранныхъ коллекціонеровъ. 5) Составленіе коллекцій. 6) Обмѣнъ открытокъ. 7) Смѣсь. 8) Почтовый ящикъ. 9) Объясненія. 10) Рисунки.

Подписная цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой 1 руб. 50 коп., полгода 1 руб.

Объявленія принимаются по 10 коп. за строчку пята, на первой страницѣ вдвое. Плата за абониментныя объявленія устанавливается по особому соглашенію. Объявленія въ отдѣлѣ „Обмѣнъ открытокъ“ для годовыхъ подписчиковъ первые 50 словъ безплатно, за каждое лишнее слово по 5 коп.

Подписнымъ деньгамъ, письма, статьи, рукописи и проч. адресовать на имя нонторы журнала „ОТКРЫТКА“ г. Калуга, Никитская ул., домъ Калашникова.

Кромѣ того подписка принимается: въ г. Калугѣ въ фотографическомъ магазинѣ В. Н. Ченцова, Никитская ул., д. Васильевой, въ книжномъ магазинѣ А. Д. Нарцагина, Никитская ул., въ книжномъ магазинѣ О. О. Юрьева, Благовѣщенская ул., д. Фишеръ, въ табачномъ магазинѣ Ю. Б. Имшанчи, Облучская ул., д. Власова, въ Управленіи С.-В. ж. д. у В. М. Ракова, Матеріальная служба. Въ О.-Петербургѣ: у Ф. И. Егорова, Садовая ул., 81, кв. 9.

Первый № высылается за 4 марки по 7 коп., которыя при подпискѣ засчитываются.

Редакторъ-издатель И. Цеплинскій.

СВѢТОПИСЬ

журналъ практической фотографіи и
ея примѣненій.

— Официальный Органъ Саратовскаго и Одесскаго Фотографическихъ Обществъ. —

Двадцать четыре выпуска въ годъ. ☆ ☆ ☆ Ежемѣсячныя приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала (Петровка, № 15), въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), въ магазинахъ „Художникъ“ (Камергерскій пер.), І. Покорнаго (Петровка), І. Стеффенъ (Столешниковъ пер.), О. Юхимъ и К^о (уг. Рождественки и Софійки), Р. Якобъ (Тверская), Л. Шимборскій (Кузнецкій пер.), „Жакъ“ (Петровка), въ конторѣ Т-ва „Побѣда“ (Новая Басманная) и др.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ магазинѣ І. Стеффенъ, Казанская, 5.

- „ ОДЕССѢ, въ магазинѣ І. Покорнаго, Еврейская, с. д.
- „ КІЕВѢ, въ магазинѣ І. Покорнаго, Крещатикъ, 43.
- „ РОСТОВѢ н/д., въ магазинѣ І. Покорнаго, Садовая, 51.
- „ КАЛУГѢ, въ фотографіи В. Н. Ченцова

и во всѣхъ лучшихъ складахъ фотографическихъ принадлежностей и книжныхъ магазинахъ.

Члены Обществъ и служащіе казенныхъ и частныхъ учреждений, подписывающіеся чрезъ своихъ назначенеевъ, платятъ 2 рубля 50 копѣекъ.

Для ознакомленія съ журналомъ пробный абонементъ
на 1 мѣсяцъ бесплатно.

ПОЧТОВЫЙ АДРЕСЪ:

Въ Москву, журналу „Свѣтопись“,
коммер. ящ. 593.

Редакторъ-Издатель

И. Д. Перепелкинъ.